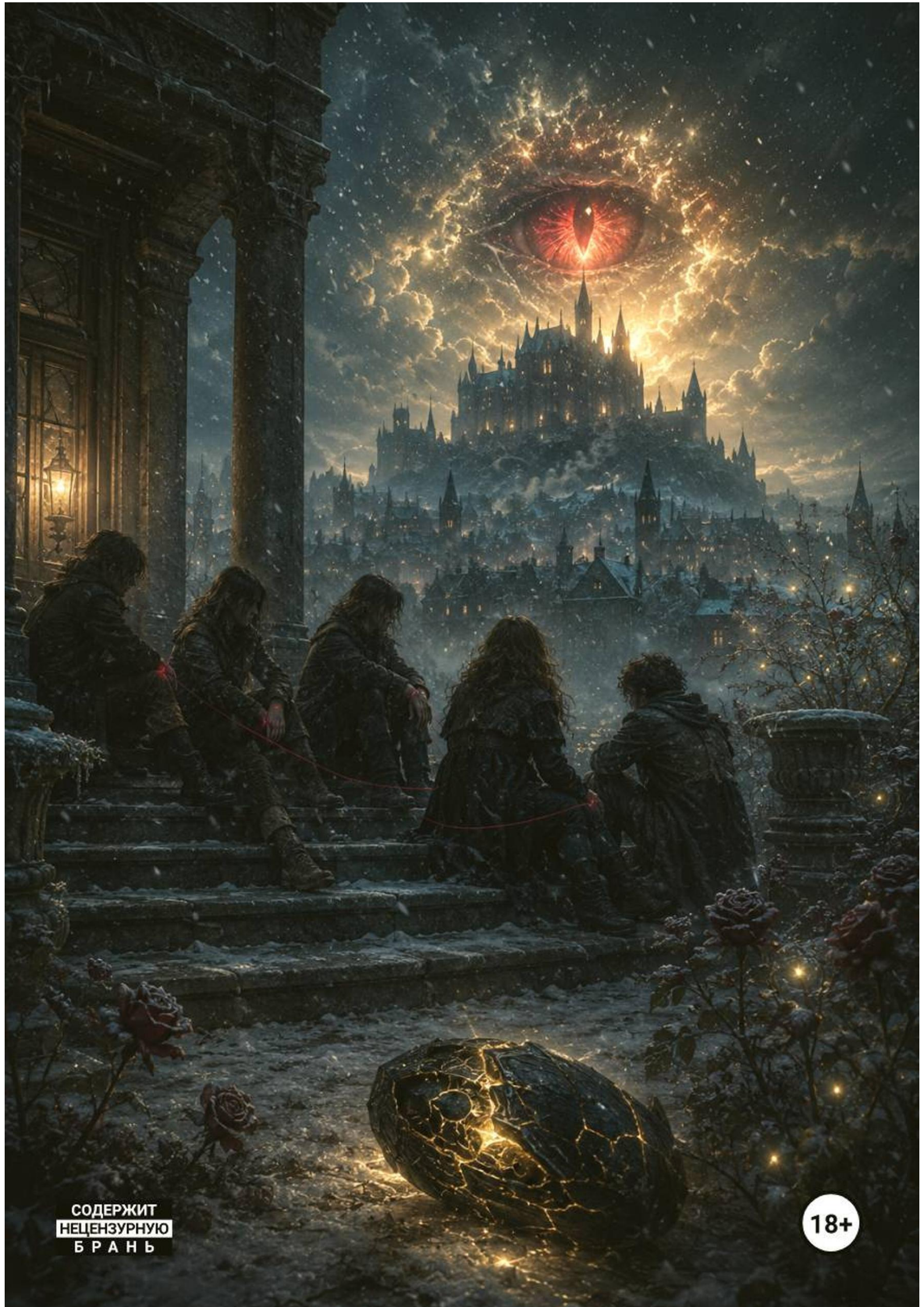

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элиан Блэк
Генезис. Том 3

«Автор»

2026

Блэк Э.

Генезис. Том 3 / Э. Блэк — «Автор», 2026

Этот том — вторая часть масштабной саги, в которой группа подростков из маленького городка Брукфилд оказывается в центре войны с существами, питающимися человеческими воспоминаниями, страхом и личностью. После того как в первом томе они запечатали Пожирателя Кроули в особняке «Генезис», жертвой пал их друг Джек — он остался в подвале как «якорь», теряя память день за днём. Теперь перед ними встают новые угрозы: Пожиратели активизируются по всему миру. Из разных городов приходят сигналы о пропажах и странных психозах. Группа, называющая себя Сетью, отправляется в Детройт, чтобы запечатать Пустоту — сущность, стирающую воспоминания; затем — в Нью-Йорк за кинжалом Первого Хранителя, способным запечатывать Пожирателей; затем — в Чикаго, в театр «Палас», где действует Маэстро — Пожиратель, коллекционирующий лица и моменты унижения.

© Блэк Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1.	5
ГЛАВА 2.	10
ГЛАВА 3.	13
ГЛАВА 4.	17
ГЛАВА 5.	20
ГЛАВА 6.	23
ГЛАВА 7.	27
ГЛАВА 8.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Элиан Блэк

Генезис. Том 3

ГЛАВА 1.

3 января 1989 года. Брукфилд. Площадь у старого клёна. 6 часов утра.

Зима в Брукфилде была тягучей, как патока, и такой же холодной.

Снег падал вторую неделю подряд, засыпая улицы по колено, превращая тротуары в белые холмы, а карнизы домов — в сахарные гребни. Фонари на площади, те, что ещё горели, отбрасывали на сугробы жёлтые дрожащие круги, и в них кружились снежинки — медленно, как в замедленной съёмке. Воздух был сухим и колючим, пах озоном и морозной пылью, и каждый вдох обжигал ноздри, оставляя на языке привкус металла.

Три года прошло с тех пор, как дверь особняка «Генезис» захлопнулась за Джеком.

Три года, как они стояли у калитки, сжимая в руках жёлтые билеты с цифрой семь, и смотрели, как серый свет в окне второго этажа гаснет, оставляя после себя только темноту.

Три года, как Сеть начала расти.

И сегодня, в это морозное утро, они вернулись на площадь, чтобы закончить то, что начали тогда.

Артур стоял у старого клёна, привалившись спиной к шершавому стволу, и смотрел на снег. Кора дерева была холодной, и холод просачивался сквозь толстую куртку, но он не обращал на это внимания. Он ждал. Они все ждали.

Рядом с ним стояла Лиза. За три года она вытянулась, стала выше, и черты её лица заострились, потеряв ту детскую мягкость, которая была у неё раньше. Правая рука, та, что была сломана в Чикаго, так и не восстановилась полностью — пальцы чуть подрагивали на морозе, и она держала её в кармане куртки, сжимая в кулаке. Но левая рука, та, что рисовала, теперь держала не карандаш. Она держала... пустоту. Просто сжимала воздух, и в этом жесте была сила, которую никто из них до конца не понимал.

— Ты чувствуешь? — спросила она, не поворачивая головы. Голос её был тихим, но в морозном воздухе он звучал отчётливо, как удар колокольчика.

— Что? — Артур не сводил глаз с особняка на холме. Тот чернел на фоне серого неба, и в его окнах не было света — только пустота, которая казалась глубже, чем прежде.

— Ритм. Он стал другим. Ровнее.

Артур прислушался. Внутри, где-то под рёбрами, там, где билась красная нитка, пульс действительно изменился. Раньше он был рваным, как дыхание человека, который задыхается. Теперь — ровным, как у спящего.

— Джек, — сказал он. — Он готов.

За их спинами снег скрипнул под чьими-то тяжёлыми шагами. Макс подошёл, остановился в шаге, и от него пахло морозом и старым кофе. За три года он стал шире в плечах, но глаза остались прежними — настороженными, как у зверя, который привык ждать удара.

— Все здесь? — спросил он, оглядываясь.

Дженни и Эмма уже стояли у заснеженной скамейки. Дженни была в длинном пальто, которое она унаследовала от бабушки, и её пальцы, сжимавшие в кармане кольцо с буквой «Б», побелели от холода. Она почти не изменилась за эти годы — только стала тише, словно научилась носить свою силу внутри, не показывая её наружу. Эмма рядом с ней, как всегда, стояла чуть поодаль, засунув руки глубоко в карманы куртки. Она не курила уже давно —

почти три года, с тех пор как вернулась из Кливленда. Но пальцы её всё ещё иногда дрожали, и она сжимала их в кулаки, когда думала, что никто не видит.

Саша стояла в тени клёна, у самого ствола, и её поза была такой же, как всегда — чуть напряжённой, готовой к движению. Она изменилась больше всех. Исчезла та военная жёсткость, с которой она пришла к ним в Нью-Йорке. Вместо неё появилась... усталость. Но усталость не та, что ломает — та, что делает человека мудрее.

Их было пятеро. Шестой ждал внутри.

— Пора, — сказал Артур.

Он оттолкнулся от ствола и пошёл к особняку. Снег скрипел под его ботинками, и этот звук был единственным, что нарушало тишину площади. Остальные двинулись за ним — не спеша, но без колебаний.

Особняк «Генезис» стоял на холме, как чёрный зверь, притаившийся в снегу. За три года он обветшал ещё сильнее: краска на колоннах облупилась, плющ, оплетающий стены, засох и превратился в серые колючие плети, а в одном из окон на втором этаже зияла чёрная дыра — ветер вырвал ставни, и они так и не вернулись.

Но дверь была открыта.

Артур подошёл к крыльцу, и под его ногами скрипнули ступени — старые, трухлявые, но ещё державшие вес. Он взялся за ручку — металл был ледяным, как нож, — и потянул на себя. Дверь поддалась без скрипа, будто её ждали.

Внутри было темно. Серый свет, сочившийся из выбитых окон, ложился на половицы бледными прямоугольниками, и в них кружилась пыль. Пахло сыростью, старым деревом и чем-то ещё — неуловимым, почти неузнаваемым. Тем самым сладковатым запахом, который они помнили с самого начала. Но теперь он был другим. Не гнилым — просто старым. Как запах книг, которые никто не открывал десятилетиями.

— Он в подвале, — сказала Лиза. Голос её звучал ровно, но она сжала левую руку в кулак, и в воздухе вокруг неё на секунду вспыхнула тонкая, едва заметная голубая искра — защитный круг, который она научилась создавать силой мысли, без бумаги, без мела, просто волей.

— Мы идём вместе, — сказал Артур. — Как всегда.

Они двинулись по коридору, мимо лестницы, мимо двери в гостиную, где на стенах всё ещё висели портреты Джонатана Брукса и его семьи, и те смотрели на них пустыми, выцветшими глазами. Мимо зеркала в конце коридора — того самого, за которым была комната, которой раньше не существовало. Теперь зеркало было разбито. Осколки лежали на полу, и в них отражался серый свет, дробясь на тысячи мелких лиц.

Подвал встретил их тем же холодом, что и три года назад. Каменные стены, покрытые слизью, ступени, стёртые до блеска тысячами ног, и запах — глубже, чем раньше, но не враждебный. Просто присутствие.

В центре подвала, на том самом месте, где когда-то стоял колодец, сидел Джек.

Он не изменился внешне. Та же серая футболка, те же джинсы, те же кеды без шнурков, которые он носил, когда зашёл сюда три года назад. Но его кожа больше не была прозрачной. Глаза — один зелёный, другой красный — смотрели на них с усталостью, но в них больше не было пустоты.

— Ты пришёл, — сказал Джек. Голос его был хриплым, как у человека, который долго молчал, но в нём слышалась та самая тёплая интонация, которую Артур помнил по их играм в приставку, по чаепитиям на кухне, по тому, как они сидели на крыльце и смотрели на закат, не зная, что скоро всё изменится.

— Я обещал, — сказал Артур.

Он подошёл ближе и опустился на корточки перед Джеком. Остальные окружили их, создавая круг — тот самый круг, который они чертили когда-то мелом на бетоне, а теперь могли создавать просто силой воли.

— Мы готовы, — сказал Артур.

Джек кивнул. Его красный глаз на секунду вспыхнул ярче, потом погас.

— Он внутри. Он уже не борется. Но он не уйдёт сам.

— Мы поможем, — сказала Лиза, и в её голосе была та же твёрдая сталь, что и в тот момент, когда она рисовала защитные круги левой рукой, истекая кровью.

Она подошла и положила левую ладонь на плечо Джека. Её пальцы дрожали, но не от холода — от напряжения, которое концентрировалось в них. В воздухе вокруг её руки заискрилась голубая энергия, и она начала пульсировать — в такт с сердцем Джека, в такт с тем, что было внутри него.

— Я возьму на себя, — сказала она. — Только доверься мне.

Джек посмотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то — страх? Надежда? Он не знал. Но он кивнул.

— Доверяю.

Лиза закрыла глаза. Голубое свечение вокруг её руки усилилось, разлилось по плечу Джека, по его груди, по всему телу. Оно не было жарким — оно было тёплым, как летний ветер, как мамина рука, которая гладит по голове перед сном. Джек почувствовал, как внутри него, там, где три года спал Кроули, что-то шевельнулось — не враждебно, а удивлённо. Как будто древняя сущность, которая веками питалась страхом, впервые столкнулась с чем-то, чего не могла понять.

Светом, который не жёг.

— Дженни, — позвал Артур. — Кровь.

Дженни шагнула вперёд. Она сняла кольцо с буквой «Б» и сжала его в кулаке. Металл был холодным, но она знала: когда она откроет ладонь, на ней будет кровь. Она всегда так делала. Она смотрела на свои руки, на старые шрамы, и видела в них не боль, а возможность.

Она провела пальцем по ладони — неглубоко, но достаточно, чтобы выступили капли тёмной, почти чёрной крови. Они упали на серый камень, и там, где они упали, начали проступать линии — древние символы, которые она выучила за эти годы, те, что бабушка передала ей перед смертью.

— Сила крови Бруксов, — прошептала она. — Не чтобы запечатывать. Чтобы освободить.

Лиза открыла глаза. Голубое свечение стало ярче, и она, сама не зная как, начала говорить на языке, которого не учила — древнем, гортанном, который звучал как ветер в камнях. Это были не слова — это были образы. Она видела Кроули. Не как монстра, не как клоуна. Как человека в сером пальто, который стоял у железной дороги и смотрел на уходящий поезд, и его глаза были полны такой боли, что у Лизы перехватило дыхание.

«Он не враг, — поняла она. — Он — жертва. Просто очень старая».

Она отпустила.

Голубое свечение ворвалось внутрь Джека, проникло в ту самую трещину, где прятался Кроули, и обернулось не мечом, а рукой — той самой, которая гладила по голове, той, которая укутывала в плед, той, которая держала чашку с чаем и говорила: «Всё будет хорошо».

Кроули не сопротивлялся. Он просто ушёл.

Не в никуда. В покой.

Джек выдохнул — долго, шумно, как человек, который три года держал воздух в лёгких и наконец позволил себе выдохнуть. Глаза его закрылись, и когда он открыл их снова, красный глаз был... зелёным. Обычным. Человеческим.

Он был свободен.

Особняк вздохнул.

Не стены, не пол — само пространство. Воздух в подвале стал легче, чище, и тот сладковатый запах, который держался здесь столько лет, растворился, уступив место запаху сырости и камня. Свет, который всегда был серым, стал золотым — из выбитых окон пробились лучи зимнего солнца, и они падали на каменный пол тёплыми прямоугольниками.

Джек открыл глаза. В них была пустота — но не та, ледяная, которая была раньше. Другая. Тёплая. Как комната, из которой ушли все гости, но оставили после себя уют.

— Я здесь, — сказал он. Голос его был хриплым, но живым.

— Ты здесь, — повторил Артур, чувствуя, как в груди разливается то самое тепло, которое он думал, что потерял навсегда. Он протянул руку, и Джек взял её — слабо, но осознанно.

— Я помню, — сказал Джек. — Не всё. Но помню, как вы ушли. И как я остался.

— Мы не оставили тебя, — сказала Лиза, и голос её дрогнул. — Мы просто ждали, пока ты будешь готов вернуться.

— Вернуться? — Джек усмехнулся — слабо, уголками губ, но в этой усмешке была та самая искра, которую они помнили. — А есть куда?

— Есть, — сказал Артур. — Домой.

Он помог Джеку подняться. Тот был лёгким — слишком лёгким, как человек, который долго не ел, не пил, не жил. Но он стоял на своих ногах. Он смотрел на них — на пятерых, которые пришли за ним, — и в его глазах стояли слёзы, которые он не пытался скрыть.

— Спасибо, — прошептал он.

— Не за что, — сказал Макс, и в его голосе впервые за долгое время не было злости — только усталое тепло.

— Идём, — сказала Эмма, и её голос был ровным, но в нём слышалась та же сталь, что и всегда. — Холодно.

Они поднялись из подвала. Солнце уже поднялось выше, и его свет заливал коридор, превращая пыль в золотые искры. Особняк прощался с ними — он не скрипел, не вздыхал. Он просто был. Молчаливым свидетелем того, что закончилось.

На крыльце их ждала София Волкер.

Она стояла на верхней ступеньке, закутавшись в старое шерстяное пальто, которое когда-то принадлежало её матери, и её лицо было бледным от холода, но глаза улыбались. Она пришла одна, без машины, без лишних вопросов, просто зная, что сегодня тот день.

— Доброе утро, — сказала она, глядя на них, на Джека, который стоял, опираясь на плечо Артура, и в её голосе была такая же материнская теплота, которая согревала их все эти годы, даже когда они были далеко.

— Мам, — сказал Артур, и голос его дрогнул. — Мы вернулись.

— Я вижу, — сказала София, и её глаза наполнились слезами, но она не дала им пролиться. — Ты вернулся, — сказала она Джеку. — Я так рада.

Она шагнула вперёд и обняла его — осторожно, как обнимают что-то хрупкое, что может разбиться, но в этом объятии было столько тепла, что Джек почувствовал, как внутри него, там, где три года была только пустота, начинает прорасти что-то новое.

— Добро пожаловать домой, сынок, — сказала она.

Вечером они сидели на кухне особняка «Генезис» — того самого, который когда-то был логовом монстра, а теперь стал их домом.

София накрыла на стол: горячий суп с клёцками, свежий хлеб, который она испекла утром, компот из сушёных яблок. Пахло домашним, уютным, тем, что они так долго искали.

Джек сидел во главе стола, и его руки дрожали, когда он держал ложку, но он ел. Он ел и улыбался — той самой улыбкой, которую Артур помнил с детства, той, которая появлялась, когда они вместе играли в приставку и он выигрывал.

— Ты как? — спросил Артур, пододвигая к нему тарелку с хлебом.

— Я не знаю, — честно ответил Джек. — Я не помню, каково это — чувствовать. Но я чувствую. Это... странно.

— Привыкнешь, — сказал Макс, отрезая себе ещё кусок хлеба. — Мы все привыкли.

— А ты? — спросила Лиза, глядя на Сашу, которая сидела в углу, сжимая в руках чашку с горячим чаем. — Ты как?

Саша подняла голову. В её глазах была усталость, но не та, что ломает — та, что делает человека мудрее.

— Я? — она пожала плечами. — Я... не знаю. Впервые в жизни я не знаю, что делать дальше. И это самое лучшее чувство.

София улыбнулась, положила руку на плечо Саши, и та не отодвинулась. Она приняла это прикосновение, как принимают что-то, чего давно ждали, но не смели просить.

— Я знаю, что делать, — сказала София. — Вы будете есть. Потом будете спать. А завтра — мы решим, что дальше. Вместе.

Они сидели за столом, и за окном падал снег — крупный, мягкий, белый. Он засыпал сад, крыши, дорогу, которая вела к калитке. Он укрывал мир белым одеялом, и в этом было что-то успокаивающее, как будто всё, что было до этого, наконец-то закончилось.

Артур смотрел на своих друзей — на Джека, который пытался вспомнить, как смеяться, на Лизу, которая сжимала левую руку в кулак, но уже не в страхе, а в привычке, на Макса, который больше не оглядывался на дверь, на Дженни, которая крутила в пальцах кольцо с буквой «Б», но теперь не как оружие, а как память, на Эмму, которая сидела рядом с пустым стулом, на котором когда-то сидел Лиам, и смотрела на него с тихой грустью.

Они были вместе. И этого было достаточно.

София поднялась, подошла к плите, чтобы разлить чай, и на мгновение задержалась у окна. В стекле отражалось её лицо — уставшее, но счастливое.

— Мам, — сказал Артур.

— М?

— Спасибо. Что ждала.

София повернулась к нему. В её глазах стояли слёзы — тёплые, как тот суп, который она сварила, как тот хлеб, который испекла.

— Я всегда буду ждать, сынок, — сказала она. — Это моя работа.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что Артур почувствовал, как внутри него, там, где три года была пустота, начинает прорастать что-то новое.

Он не знал, что будет завтра. Не знал, какие испытания ждут их впереди.

Но он знал одно: они дома.

И пока есть дом — есть и надежда.

ГЛАВА 2.

4 января 1989 года. Брукфилд. Особняк «Генезис». 7 часов утра.

Утро началось с запаха жареного бекона.

Артур открыл глаза и понял, что лежит на диване в гостиной, укрытый старым шерстяным пледом, от которого пахло нафталином и домом. За окном всё ещё падал снег — крупный, медленный, он залеплял стёкла, превращая мир за ними в размытое белое пятно. На каминной полке горела свеча — одну из тех, что София нашла в кладовке и зажгла, чтобы в доме было тепло и светло, даже когда электричество моргало.

Он сел. Плед сполз на пол, и он подхватил его, чувствуя, как холодный воздух касается рук. В гостиной было тихо, только потрескивали дрова в камине, и где-то на кухне звенела посуда — мама готовила завтрак.

Рядом на кресле спал Джек.

Он устроился в глубоком продавленном кресле, поджав ноги, и его лицо было спокойным — впервые за три года. В этом спокойствии не было напряжения, не было той серой пустоты, которая была раньше. Он просто спал. Как человек, который наконец-то может позволить себе отдых.

Артур посмотрел на него и почувствовал, как внутри разливается что-то тёплое. Не радость — нет. Скорее облегчение. Как будто камень, который он носил в груди все эти годы, наконец-то упал.

Он встал, накинул куртку и пошёл на кухню.

София стояла у плиты, переворачивая блинчики. На ней был старый фартук с вышитыми цветами, который она носила ещё до того, как всё началось, и её руки двигались привычно, уверенно. Пахло маслом, тестом и ещё чем-то сладким — вареньем, которое она сварила прошлым летом.

— Доброе утро, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты рано.

— Не спалось, — ответил Артур, садясь за стол.

Он смотрел, как она двигается по кухне, как пододвигает к нему тарелку с блинчиками, как наливает чай в его любимую кружку с отбитой ручкой, и думал о том, как сильно он боялся, что этого больше не будет. Что он никогда не увидит её у плиты, не услышит её голос, не почувствует этот запах.

— Ты чего такой задумчивый? — спросила она, садясь напротив.

— Ничего, — сказал он. — Просто рад, что ты здесь.

София улыбнулась, и в её глазах мелькнула тень той же боли, что и у него, но она быстро спрятала её.

— Я всегда здесь, — сказала она. — Даже когда меня нет рядом.

Артур хотел сказать что-то ещё, но в этот момент в кухню вошла Лиза.

Она была уже одета — в старые джинсы и свитер, который был ей велик, — и на её лице застыло выражение сосредоточенности. Она держала левую руку перед собой, и в воздухе вокруг её пальцев дрожала тонкая голубая искра.

— Ты чего? — спросил Артур, насторожившись.

— Я чувствую что-то, — сказала Лиза. — Снаружи. У калитки.

Артур встал из-за стола. София тоже поднялась, вытирая руки о фартук.

— Что за что-то? — спросил Артур.

— Не знаю. Но оно не наше.

Они вышли в коридор. Макс уже стоял у двери, сжимая в руке нож — старый, с чёрной рукоятью, тот самый, который он когда-то отдал Джеку, а потом вернул. Его лицо было напряжённым, но в глазах не было страха — только настороженность.

— Я тоже чувствую, — сказал он. — Как будто кто-то трогает периметр.

— Периметр? — переспросил Артур.

— Защиту, — сказала Лиза. — Я поставила её вокруг дома прошлой ночью, когда все уснули. Просто на всякий случай.

Она говорила спокойно, как о чём-то обыденном, но Артур заметил, как дрогнули её пальцы.

— И что? — спросил он.

— Его кто-то пытается пробить.

Они вышли на крыльцо. Снег всё ещё падал, но теперь он казался гуще, и в нём чувствовалось что-то чужое — не холод, не ветер, а присутствие. Как будто за белой пеленой кто-то стоял и смотрел.

— Где? — спросил Артур.

— У калитки, — сказала Лиза. — Смотри.

Она указала на ограду. Там, у чугунных прутьев, стояла фигура — низкая, сгорбленная, закутанная в лохмотья, которые сливались со снегом. Она не двигалась, но в воздухе вокруг неё дрожала тонкая, почти незаметная рябь — как над горячим асфальтом, только холодная.

— Что это? — спросил Макс, сжимая нож.

— Пожиратель, — сказала Лиза. — Мелкий. Он не опасен, если не подпускать его близко. Но он пришёл проверить.

— Проверить что?

— Наши границы. — Она шагнула вперёд, и снег хрустнул под её кедами. — Он хочет знать, сильны ли мы ещё.

Фигура у калитки дёрнулась — медленно, как марионетка, у которой обрезали нитки, — и сделала шаг в их сторону. Воздух вокруг неё стал холоднее, и на коже Артура выступили мурашки.

— Не подходи, — сказала Лиза, и голос её был тихим, но твёрдым.

Она подняла левую руку. Пальцы её дрожали, но она не опускала их. В воздухе вокруг её ладони вспыхнула голубая искра — сначала маленькая, как спичка, потом ярче, больше, превращаясь в сияющий круг, который пульсировал в такт её сердцу.

Лиза не рисовала этот круг. Она не держала бумагу, не сжимала в руке мелок. Она просто создала его силой мысли — своей волей, своей болью, своим желанием защитить.

— Уходи, — сказала она.

Фигура замерла. Голубой свет разливался по двору, касаясь снега, и там, где он касался, снег начинал таять, обнажая чёрную землю. Существо у калитки попятилось — нехотя, как будто не хотело уходить, но не могло сопротивляться.

Оно исчезло. Просто растворилось в снежной пелене, оставив после себя только лёгкий запах гнили — тот самый, который они помнили с самого начала.

Лиза опустила руку. Голубой свет погас, и она пошатнулась, опершись о плечо Артура.

— Ты как? — спросил он, чувствуя, как она дрожит.

— Устала, — призналась она. — Но это работает. Я сама не знала, что могу.

— Теперь знаешь, — сказал Макс, убирая нож в карман. — И он тоже знает.

— Он? — переспросил Артур.

— Они все, — сказала Дженни, выходя на крыльцо. Она была в длинном халате, и её волосы были растрёпаны, но в руке она сжимала кольцо с буквой «Б». — Они чувствуют, что равновесие нарушено. Что Кроули больше не держит их.

— И что они сделают? — спросил Артур.

— Они будут проверять, — сказала она. — Снова и снова. Пока не найдут слабое место.

Они вернулись в дом. София уже накрыла на стол — горячие блинчики, варенье, чай. Никто не говорил о том, что случилось, но каждый думал об этом.

Джек проснулся и сидел за столом, сжимая в руках кружку с чаем. Он выглядел лучше, чем вчера — немного отдохнувшим, хотя тени под глазами всё ещё были глубокими.

— Вы видели? — спросил он.

— Видели, — ответил Артур.

— Он не последний, — сказал Джек. — Я чувствую. Их много. Они просыпаются по всей стране.

— Мы знаем, — сказала Лиза. — У нас есть карта.

Она достала из рюкзака старую карту с красными точками — ту самую, которую они перерисовывали и дополняли все эти годы. Развернула на столе, придавив края кружками.

— Здесь отмечены места, где просыпаются Пожиратели, — сказала она. — Сначала было шесть точек. Потом — пятнадцать. Теперь их больше тридцати.

— Тридцать? — переспросил Макс. — Мы не сможем закрыть их все.

— Сможем, — сказал Артур. — Не одни. Но у нас есть Сеть.

— Сеть, — повторила Дженни. — Мы не знаем, сколько нас.

— Знаем, — сказала Эмма. Она сидела в углу, сжимая в руках чашку с чаем, и её голос был ровным, но в нём слышалась сталь. — Мы знаем всех, кто откликнулся. Тех, кто тоже видел билеты. Тех, кто тоже ищет.

— И сколько их? — спросил Джек.

— Сорок семь, — сказала Лиза. — Сорок семь охотников в разных городах.

— Сорок семь, — повторил он. — Это не армия.

— Это начало, — сказал Артур. — И мы будем расти.

Он подошёл к карте и провёл пальцем по красным точкам, останавливаясь на каждой.

— Мы начнём с ближайших, — сказал он. — Чикаго, Детройт, Кливленд. Найдём тех, кто уже воюет. Поможем им. И они помогут нам.

— А потом? — спросил Макс.

— А потом — весь мир, — сказал Артур. — Мы не можем спасти всех. Но мы можем попытаться.

Они сидели за столом, и за окном всё ещё падал снег. София разливала чай, и пар поднимался над кружками, смешиваясь с запахом дома.

Артур смотрел на своих друзей — на Джека, который медленно привыкал к свободе, на Лизу, которая училась использовать свою силу, на Макса, который больше не боялся темноты, на Дженни, которая сжимала кольцо с буквой «Б», на Эмму, которая молчала, но её молчание было не пустым — оно было наполнено памятью, и в этом была её сила.

— Мы справимся, — сказал он. — Как всегда.

— Как всегда, — повторила Лиза.

Она подняла левую руку, и в воздухе вокруг её пальцев снова вспыхнула голубая искра — слабая, но живая. Она посмотрела на неё, и в её глазах мелькнуло что-то новое — не страх, не сомнение, а уверенность.

— Я готова, — сказала она.

Артур улыбнулся. Впервые за долгое время он чувствовал, что они не просто выживают — они живут.

За окном снег продолжал падать. Но теперь он казался не холодным, а чистым — как новый лист, на котором можно написать всё заново.

ГЛАВА 3.

5 января 1989 года. Брукфилд. Особняк «Генезис». 9 часов утра.

Джек проснулся от того, что кто-то гладил его по голове.

Сначала он подумал — сон. Такой же, как те, что снились ему в подвале, когда он ещё был якорем: тёплые, обманчивые, полные лиц, которых он не мог вспомнить. Но пальцы были настоящими — шершавыми, чуть холодными, с запахом муки и ванили.

Он открыл глаза.

Над ним стояла София Волкер. В руках она держала старую кружку с парящим чаем, и на её лице было то самое выражение, которое он помнил с того дня, когда она впервые обняла его на крыльце особняка: усталое, но тёплое, как у человека, который привык заботиться о других, даже когда сама устала до боли в костях.

— Доброе утро, соня, — сказала она, и голос её был мягким, как тот самый плед, которым она укрыла его прошлой ночью. — Ты проспал почти двенадцать часов. Я уже начала волноваться.

Джек сел, и одеяло сползло с его плеч. Комната была залита серым зимним светом, и в нём кружились пылинки — медленно, как в замедленной съёмке. За окном всё ещё падал снег, но теперь он казался тише, спокойнее.

— Я не помню, когда в последний раз спал, — честно признался он. Голос его был хриплым, как у человека, который долго молчал.

— Тогда спи, — сказала София, ставя кружку на тумбочку. — Ты заслужил отдых.

— А остальные? — спросил Джек.

— В гостиной. Обсуждают планы. Но ты не обязан присоединяться. Ты можешь просто... быть.

Она улыбнулась и вышла, оставив его одного. Джек посмотрел на кружку — чай был зелёным, с мёдом, тем самым, который он любил когда-то, ещё до того, как всё началось. Он взял её, сделал глоток, и тепло разлилось по груди, согревая что-то внутри, что он считал замёрзшим навсегда.

В гостиной было шумно.

Макс сидел на подоконнике, вертя в пальцах старый нож — тот самый, с чёрной рукоятью, который он носил с собой все эти годы. На его лице было выражение сосредоточенности, но в глазах не было прежней настороженности.

— Карта обновлена? — спросил он, глядя на Лизу.

Она сидела на полу, скрестив ноги, и перед ней была разложена та самая карта с красными точками — теперь их было больше тридцати. Левая рука её дрожала, когда она проводила пальцем по линиям, но в этой дрожи была не слабость — напряжение.

— Почти, — ответила она, не поднимая головы. — Я добавила новые точки из писем, которые пришли за последнюю неделю. Детройт, Кливленд, Сиэтл, Нью-Йорк. И ещё три города в Европе.

— В Европе? — переспросил Артур, стоявший у камина. Он держал в руках старую фотографию — ту самую, которую они нашли в особняке три года назад, с лицом Марты Брукс, застывшей в объективе с тем самым кольцом на пальце.

— Да, — сказала Лиза. — Лондон, Париж, Рим. Там тоже есть Хранители. Или те, кто пытается ими стать.

— И что они говорят? — спросила Дженни, сидевшая на диване. Она сжимала в руке кольцо с буквой «Б» — то самое, которое принадлежало Марте Брукс, её прабабке.

— Они боятся, — сказала Лиза. — Пожиратели просыпаются по всему миру. И они не просто просыпаются — они организуются.

— Организуются? — переспросил Макс, отрываясь от окна. — Пожиратели не умеют организовываться. Они — хаос.

— Раньше не умели, — сказала Дженни, поднимая голову. — Но теперь — умеют. Кто-то направляет их.

В комнате повисла тишина. Слышно было только, как за окном падает снег и как трещат дрова в камине.

— Кто? — спросил Артур.

Дженни посмотрела на него. В её глазах была та же тень, что и у бабушки, когда та рассказывала им о древних ритуалах.

— Я не знаю. Но моя бабушка говорила, что есть те, кто стоит за Пожирателями. Кто создаёт их или пробуждает. Она называла их «Архитекторами».

— Архитекторы, — повторил Артур. — Звучит как «Красный круг».

— Может быть, они и есть, — сказала Дженни. — Или они просто пешки.

— Как Кейн, — тихо произнесла Эмма. Она сидела в углу, на старом кресле, и её голос был ровным, но в нём слышалась сталь. — Он был пешкой. Думал, что контролирует ситуацию, а сам был марионеткой.

— Тогда кто стоит за ними? — спросил Макс.

Никто не ответил. Тишина висела в воздухе, тяжёлая, как снег за окном.

В полдень пришла посылка.

Её принёс почтальон — молодой парень в синей форме, который даже не заметил, как на его куртку осела голубая искра, когда он проходил через защитный круг Лизы. Он оставил коробку на крыльце и ушёл, не оглядываясь.

Коробка была старой, картонной, с потёртыми краями и выцветшей маркой на боку. На ней не было обратного адреса — только имя, выведенное старым, дрожащим почерком: «Артуру Волкеру».

Артур открыл её на кухне. Внутри лежали бумаги — старые, пожелтевшие, исписанные мелким аккуратным почерком, который он узнал сразу. Почерк его отца.

— Это папины записи, — сказал он, чувствуя, как в груди что-то сжимается. — Но откуда они?

— Смотри, — сказала Лиза, указывая на дно коробки. Там лежал маленький конверт с надписью: «Вскрыть, когда будете готовы».

Артур открыл конверт. Внутри было письмо — короткое, всего несколько строчек, но каждая из них впивалась в память, как игла.

«Артур, если ты читаешь это — значит, вы уже на правильном пути. Я не могу рассказать всё, потому что они следят за мной. Но я оставил подсказки. Ищите там, где я был. Там, где всё началось. Марта Брукс знала правду. Ищите её дневник. Он в старом особняке — не в том, что вы знаете. В том, что был до него. Координаты в конверте. Береги Лизу. Береги себя. Я всегда буду с вами. Отец».

Артур перечитал письмо три раза. Слова не менялись.

— Что там? — спросил Макс, подходя ближе.

— Отец говорит, что Марта Брукс знала правду. И оставила дневник. В каком-то другом особняке. До «Генезиса».

— Но мы не знаем, где это, — сказала Дженни. — Мы ничего не знаем о Бруксах до того, как они построили этот дом.

— Значит, узнаем, — сказала Лиза, и в голосе её была та же стальная твёрдость, что и раньше. — Мы найдём дневник. И мы найдём ответы.

Они провели остаток дня за изучением бумаг. В коробке были не только письма, но и старые фотографии, копии документов, вырезки из газет, датированные началом века. На одной из них — той, что привлекла внимание Дженни, — была изображена женщина с кольцом на пальце, стоящая у ворот старого особняка, который никто из них не узнавал.

— Это не «Генезис», — сказала она, проводя пальцем по выцветшей бумаге. — Стены другие, двери другие. Этот дом старше.

— Где он? — спросил Артур.

— Не знаю. Но здесь есть подпись. — Она перевернула фотографию. На обороте карандашом, почти стёршимся, было написано: «Брукс-Хаус, 1912 год. Место рождения Марты».

— Брукс-Хаус, — повторил Артур. — Значит, это был дом Бруксов до того, как они построили «Генезис».

— И где он? — спросил Макс.

— В пригороде, — сказала Лиза, уже изучая карту, приложенную к письму отца. — Милях в десяти к северу. Там сейчас, наверное, пустошь. Или лес. Или ничего.

— Или всё, — сказала Дженни, сжимая кольцо в кулаке. — Дневник Марты ждёт нас там.

— Тогда завтра едем, — сказал Артур. — Все.

Вечером, когда остальные разошлись по комнатам, Артур остался на кухне один. За окном уже стемнело, и снег перестал падать — только тишина, нарушаемая потрескиванием дров в камине.

Он снова перечитал письмо отца. Слова были теми же, но теперь он чувствовал в них что-то новое — не просто информацию, а надежду. Или прощание.

— Ты не спишь? — раздался голос за спиной.

Он обернулся. В дверях стояла Саша — босая, в старой футболке, которая была ей велика, и с кружкой чая в руках.

— Не могу, — признался он. — Слишком много мыслей.

Она вошла, села напротив, и в свете камина её лицо казалось мягче, чем днём.

— Я знаю, каково это, — сказала она. — Когда мысли не дают уснуть. Когда кажется, что если ты закроешь глаза, то пропустишь что-то важное.

— Ты тоже не спишь?

— Привыкла. В «Круге» мы редко спали. Всегда ждали приказа. Всегда ждали атаки.

— А теперь?

— Теперь я учусь отдыхать. — Она усмехнулась, и в этой усмешке было что-то новое — не цинизм, а усталость, смешанная с теплом. — София учит меня.

— Она умеет, — сказал Артур. — Учить отдыхать.

Они помолчали. В камине треснуло полено, и искры взлетели вверх, к потолку.

— Артур, — сказала Саша.

— М?

— Если завтра мы найдём дневник Марты... что, если там ничего нет? Что, если отец ошибался?

Артур посмотрел на неё. В её глазах он увидел не сомнение — страх. Не за себя, за них.

— Тогда мы будем искать дальше, — сказал он. — Как всегда.

Саша кивнула, и в этом кивке было больше доверия, чем в любых словах.

— Ты похож на неё, — сказала она.

— На кого?

— На Софию. Ты тоже умеешь давать надежду.

Она встала, взяла кружку и вышла, оставив его одного.

Артур посмотрел на письмо отца, затем на фотографию Брукс-Хауса, затем на свои руки — на них всё ещё была красная нитка, но теперь она казалась тоньше, почти невесомой.

Он убрал письмо в карман и вышел из кухни. Завтра предстоял долгий день. И он знал: что бы они ни нашли в том старом доме, это изменит всё.

ГЛАВА 4.

6 января 1989 года. Брукфилд — северный пригород. 8 часов утра.

Фургон завелся с третьей попытки.

Лиам, доставший его по дешёвке ещё прошлой осенью, за последние месяцы привык капризничать на морозе. Старый, ржавый, с выцветшей краской на боках, он стоял у ворот особняка, и из выхлопной трубы валил густой белый пар, смешиваясь с утренним туманом. В салоне пахло бензином, старыми сиденьями и ещё чем-то кисловатым — то ли плесенью, то ли засохшим соком, который кто-то пролил и забыл вытереть.

Артур сидел за рулём, сжимая ладонями холодный пластик руля. Пальцы онемели, и он сжал их сильнее, чувствуя, как костяшки белеют. Рядом, на пассажирском сиденье, Лиза уже разложила на коленях карту, которую нашла в конверте отца, и водила по ней пальцем, сверяясь с показаниями компаса. Стрелка дрожала, и она постучала по стеклу — стрелка дёрнулась и замерла, указывая на север.

— Туда, — сказала она, не поднимая головы. — Десять миль. За старым мостом.

Артур кивнул, включил передачу, и фургон дёрнулся, выезжая на заснеженную дорогу. Снег хрустел под колёсами, и этот звук был единственным, что нарушало тишину раннего утра.

Сзади сидели остальные. Макс — у окна, сжимая в руке нож, который он то открывал, то закрывал, проверяя механизм. Дженни — рядом с ним, её пальцы сжимали кольцо с буквой «Б», и она смотрела в окно на проплывающие мимо деревья, покрытые инеем. Эмма — в углу, привалившись плечом к холодной стенке фургона, её глаза были закрыты, но дыхание было беспокойным, и она то и дело вздрагивала, как будто видела сны, даже не спя. Саша — на откидном сиденье у двери, её поза была напряжённой, и она то и дело поглядывала в зеркало заднего вида, проверяя, не следят ли за ними.

Джек сидел в самом конце, на свернутом спальнике, и смотрел на свои руки. Они были обычными — бледными, с тонкими пальцами, на которых ещё не зажили мозоли, оставшиеся от работы в подвале. Он сжимал их в кулаки, разжимал, снова сжимал, проверяя, что они слушаются. Что он может ими двигать. Что они — его.

— Ты как? — спросил Макс, не оборачиваясь.

— Нормально, — ответил Джек. Голос его был ровным, но в нём слышалась усталость. — Просто привыкаю.

— К чему?

— К тому, что я могу выбирать.

Макс ничего не сказал. Только кивнул и снова уставился в окно.

Дорога шла через лес. Снег лежал на ветках, и деревья стояли в белых шапках, как призраки, застывшие в ожидании. Фургон медленно пробирался по узкой дороге, оставляя за собой две колеи, которые тут же заносило снегом. Где-то вдалеке каркнула ворона, и звук был резким, как удар.

— Здесь, — сказала Лиза, указывая на поворот, который почти скрывали сугробы.

Артур повернул руль. Фургон занесло на снегу, и он выровнял его, чувствуя, как под колёсами хрустит наст. Они выехали на поляну, и перед ними открылся дом.

Он был старым — старше «Генезиса», старше всего, что они видели. Двухэтажный, из тёмного камня, с узкими окнами, которые смотрели на мир пустыми глазницами. Крыша обвалилась в одном месте, и из-под снега торчали обломки черепицы. Дверь была заколочена досками, и на них висела ржавая цепь с замком, который проржавел насквозь.

— Он выглядит мёртвым, — сказал Макс, вылезая из фургона.

— Он не мёртв, — сказала Дженни, и голос её дрогнул. — Он просто спит.

Она подошла к двери, провела пальцами по цепи. Металл был холодным, и на нём выступил иней. Кольцо на её пальце нагрелось — слабо, едва заметно, но она почувствовала это тепло, как будто кто-то внутри дома узнал её.

— Он ждал нас, — сказала она.

Артур подошёл к двери, взялся за цепь и дёрнул. Ржавый замок хрустнул и развалился в его руках, рассыпавшись на куски. Доски поддались с трудом — они были мокрыми, трухлявыми, и он оторвал их одну за другой, чувствуя, как дерево крошится под пальцами.

Дверь открылась, и изнутри пахло холодом и пылью — тем самым запахом, который они помнили по «Генезису», только старше, глубже, как будто время здесь остановилось задолго до того, как они родились.

Они вошли внутрь.

Внутри было темно. Свет проникал только через выбитые окна, ложась на пол косыми прямоугольниками, в которых кружилась пыль. Половицы скрипели под ногами, и каждый шаг отдавался эхом в пустых комнатах.

— Мы ищем дневник, — сказал Артур, оглядываясь. — Где он может быть?

— В кабинете, — сказала Дженни. — Я чувствую.

Она пошла вперёд, не оглядываясь. Остальные двинулись за ней.

Кабинет оказался в конце коридора — маленькая комната с высоким потолком и окном, выходящим на лес. Стены были заставлены книжными полками, на которых стояли старые тома в кожаных переплётах. В центре — дубовый стол, покрытый слоем пыли, и на нём чернильница с высохшими чернилами, которые превратились в чёрную смолу.

Дженни подошла к столу, провела пальцами по его поверхности. Кольцо на её пальце нагрелось сильнее, и она почувствовала, как внутри неё, там, где билась кровь Бруксов, что-то откликается.

— Здесь, — сказала она, открывая ящик.

Внутри лежал дневник. Старый, в потёртой кожаной обложке, с выцветшей золотой буквой «Б» на корешке. Она взяла его в руки — он был тяжёлым, как будто в нём было больше, чем просто бумага.

— Открывай, — сказал Артур, подходя ближе.

Дженни открыла дневник. Страницы были исписаны мелким аккуратным почерком — тем самым, который они видели на фотографиях Марты Брукс. Первая запись датировалась 1912 годом, первым январем.

«Сегодня я поняла, что стала другой. Не потому, что я выбрала это. Потому что это выбрало меня».

— Что она имеет в виду? — спросил Макс.

— Не знаю, — сказала Дженни, перелистывая страницы. — Но я узнаю этот почерк. Это её дневник.

Она читала дальше, и по мере того, как она читала, её лицо становилось бледнее. Страницы были исписаны воспоминаниями — о том, как Марта впервые встретила Пожирателей, как поняла, что её кровь может их сдерживать, как она узнала о «Круге» и о том, что они на самом деле делают.

— Она пишет о Хранителях, — сказала Дженни, не поднимая головы. — О том, что они были не просто защитниками. Они были... тюремщиками. Сдерживали не только Пожирателей. Они сдерживали кое-что другое.

— Что? — спросил Артур.

— Она не говорит прямо. Но она пишет, что есть тот, кто стоит за всеми Пожирателями. Кто создаёт их или пробуждает.

— Спящий? — спросил Макс.

— Нет. — Дженни покачала головой. — Спящий — это просто... инструмент. Оружие. Тот, кто стоит за ним, — это другой. Она называет его «Архитектором».

— Архитектор? — переспросил Артур. — Я уже слышал это слово.

— От моей бабушки, — сказала Дженни. — Она тоже говорила о нём. Сказала, что он старше Спящего, старше Пожирателей, старше всего. Он существует столько же, сколько сам страх.

— И что он хочет? — спросил Макс.

— Он хочет, чтобы мир боялся. Он питается страхом. И он не хочет, чтобы мы его остановили.

— Тогда мы его остановим, — сказал Артур. — Как всегда.

Он подошёл к окну и посмотрел на лес. Снег всё ещё падал, и деревья стояли белые и неподвижные, как часовые, охраняющие покой.

— Мы должны найти его, — сказал он. — И остановить, пока он не разбудил всех Пожирателей.

— Но как? — спросила Лиза. — Мы даже не знаем, где он.

— Марта знала, — сказала Дженни. — Она пишет, что оставила карту. Спрятала её в «Генезисе». В той стене, за которой была комната.

— В зеркале? — спросил Артур.

— Нет. За ним. Там, где мы нашли алтарь.

— Но зеркало разбито, — сказал Макс. — Мы сами его разбили.

— Значит, нужно смотреть глубже, — сказал Артур. — Мы найдём карту. И мы найдём Архитектора.

Они вышли из дома, когда солнце уже начало клониться к закату. Снег всё ещё падал, и в его белой пелене старый особняк казался призраком — последним напоминанием о том, что когда-то здесь жила семья, которая пыталась остановить тьму.

Дженни держала дневник в руках, прижимая его к груди, как ребёнка. Кольцо на её пальце всё ещё было тёплым, и она чувствовала это тепло, как связь с той женщиной, которая жила здесь почти век назад.

— Мы найдём его, — сказала она, не оборачиваясь. — Мы найдём Архитектора. И мы остановим его.

— Как? — спросил Макс. — Если он старше всего, что мы видели?

— Не знаю, — сказала Дженни. — Но я знаю, что мы должны попытаться.

Они сели в фургон. Артур завёл двигатель, и он закашлялся, но завёлся. Они выехали на дорогу, и старый дом остался позади, скрываясь в снежной пелене.

Артур смотрел в зеркало заднего вида, пока дом не исчез за поворотом. Внутри него, там, где три года была только пустота, теперь росло что-то новое — не надежда, нет. Решимость. Холодная, тяжёлая, как свинец.

— Мы сделаем это, — сказал он, не оборачиваясь. — Мы сделаем это вместе.

— Как всегда, — ответила Лиза, и голос её был тихим, но твёрдым.

Фургон ехал по заснеженной дороге, и за окном мелькали белые поля и чёрные деревья. Внутри было тихо, но в этой тишине чувствовалось что-то новое — не страх, не ожидание. Спокойствие.

Артур сжал руль и посмотрел вперёд. Дорога была длинной, и он знал — это только начало.

ГЛАВА 5.

6 января 1989 года. Брукфилд. Особняк «Генезис». 6 часов вечера.

В особняке было тихо, но не пусто. Тишина здесь теперь была другой — не той, давящей, которая ждала, когда нарушишь её, а той, что дышала вместе с домом, как старый верный пёс, который наконец успокоился на своём месте.

София накрыла на стол, когда они вернулись. Суп с клёцками, хлеб, который она испекла с утра, компот из сушёных яблок — всё то же, что и вчера, но запах был другим: в нём чувствовалась лёгкая горечь, как будто дом сам знал, что они принесли с собой нечто важное. Дженни положила дневник Марты на стол, и все расселись вокруг, не касаясь еды. Глаза были прикованы к потёртой кожаной обложке.

— Она пишет о Карте, — сказала Дженни, открывая дневник на заложенной странице. Голос её был ровным, но пальцы, перелистывающие страницы, дрожали. — Говорит, что спрятала её в стене за зеркалом. В той самой стене, которую мы разбили, когда выходили.

— Мы не разбили стену, — поправил Макс. Он сидел, прислонившись плечом к косяку, и в его руке привычно лежал нож. — Мы разбили зеркало.

— Значит, карта внутри стены, — сказала Лиза.

Она встала, и стул, на котором она сидела, скрипнул, отодвигаясь. Левая рука её, та, что теперь держала силу, непроизвольно сжалась в кулак, и в воздухе вокруг её пальцев на секунду вспыхнула тонкая голубая искра — рефлекс, который она уже не могла контролировать.

— Пойдёмте, — сказал Артур, поднимаясь.

Они вышли в коридор. В конце, у стены, где раньше висело зеркало, теперь зиял чёрный проём. Осколки стекла лежали на полу, и в них отражался свет, дробясь на тысячи мелких лиц — чужих, незнакомых, пришедших из других времён.

Артур подошёл к стене и провёл по ней пальцами. Штукатурка была холодной, шершавой, и в одном месте она чуть заметно отличалась по цвету — бледнее, как будто её нанесли позже.

— Здесь, — сказал он.

Он ударил кулаком по стене. Штукатурка треснула, и из-под неё посыпалась белая пыль. Ещё удар — и кусок штукатурки отвалился, обнажая старый кирпич, в котором был замурован небольшой металлический ящик.

— Помоги, — сказал Артур, глядя на Макса.

Макс подошёл, сунул нож в карман, и они вдвоём начали выковыривать ящик из стены. Кирпичи поддавались с трудом, осыпаясь серой крошкой. Пыль оседала на одежде, на волосах, на губах, и Артур чувствовал её вкус — сухой, горький, как старая бумага.

Наконец ящик поддался. Он был тяжёлым, холодным, и на его крышке были выгравированы те же символы, что и на кольце Дженни — переплетённые линии, которые складывались в букву «Б».

— Открывай, — сказала Лиза, и голос её был тихим.

Артур поддел крышку ножом, который протянул Макс. Металл скрипнул, и крышка поддалась. Внутри лежала карта — старая, сложенная вчетверо, с пожелтевшими краями и выцветшими линиями. И письмо — ещё одно, от Марты Брукс, которое она оставила для того, кто найдёт её тайну.

Артур развернул карту. На ней были отмечены не города, не дороги — точки. Десятки точек, разбросанных по всему миру, и каждая была помечена датой. Некоторые даты были старыми — 1912, 1918, 1924, — другие новыми, и одна — 1989, этот год.

— Что это? — спросил Макс, заглядывая через плечо Артура.

— Места, где были запечатаны Пожиратели, — сказала Дженни, подходя ближе. Она сжимала кольцо в кулаке, и её пальцы были белыми от напряжения. — Моя бабушка говорила, что Бруксы оставляли карты, чтобы те, кто придёт после, знали, где искать.

— Искать что? — спросил Макс.

— Печати, — сказала Дженни. — Они ослабевают. Каждая точка — это Пожиратель, который может проснуться. Или уже просыпается.

Артур провёл пальцем по карте. Брукфилд был отмечен красным — тем же цветом, что и их нити. Рядом с ним стояла дата: 1985. Год, когда всё началось.

— Если карта ослабевает, — сказал он, — значит, и печати ослабевают. И если мы ничего не сделаем, они проснутся все.

— Мы не можем быть везде, — сказал Макс. — Нас слишком мало.

— Тогда нам нужно больше людей, — сказала Лиза, и голос её был твёрд, как сталь. — Мы найдём их. Как нашли Клэр. Как нашли Маркуса.

— Нам нужно собрать всех, кто готов, — сказал Артур, сворачивая карту. — И нам нужно подготовиться к тому, что будет.

— К чему? — спросила Эмма. Она сидела в углу, и её голос был ровным, но в нём слышалась та же сталь, что и у Лизы.

— К войне, — сказал Артур.

Они вернулись в гостиную. София пододвинула к ним тарелки с супом, и пар поднимался над ними, смешиваясь с запахом старого дома. Все молчали. Только вилки звякали о тарелки, и тикали часы на стене.

— Я поеду с вами, — сказала Саша.

Все подняли головы. Она сидела в углу, в кресле, которое когда-то принадлежало Джонатану Бруксу, и в её голосе не было колебаний.

— Зачем? — спросил Артур.

— Потому что я знаю, как работает «Круг», — сказала она. — Я знаю их тактику, их методы. Я знаю, где они слабы.

— Ты была одной из них, — сказал Макс. — Почему мы должны тебе верить?

Саша не отвела взгляда. Она посмотрела на него, и в её глазах была та же усталость, что и у всех них.

— Потому что я больше не одна из них, — сказала она. — Я выбрала вас. И если вы позволите мне помочь, я сделаю всё, чтобы защитить вас.

— Мы верим тебе, — сказала Лиза. — Мы всегда верили.

Саша кивнула, и в этом кивке было больше благодарности, чем в любых словах.

Ночью, когда все разошлись по комнатам, Артур остался один в гостиной. Он сидел у камина, глядя на огонь, и в его руке лежала карта Марты Брукс. Он рассматривал точки, пытаясь запомнить каждую, каждую дату, каждое место.

— Ты не спишь? — раздался голос за спиной.

Он обернулся. В дверях стояла София, закутанная в старый халат, с кружкой чая в руках.

— Не могу, — признался он.

Она подошла, села рядом на диван, и от неё пахло домом — тем самым, который он боялся потерять. Сейчас, когда мир снова начал рушиться, он боялся, что потеряет её. Что она уйдёт, как отец, как Лиам, как все, кого он любил. Страх был глухим, вязким, и он оседал в груди, как свинец.

— Ты боишься, — сказала она. Не спросила. Констатировала.

— Да, — честно ответил он. — Боюсь, что не смогу защитить вас.

— Ты не должен защищать нас один, — сказала она. — Мы — семья. Мы защищаем друг друга.

— Но что, если я не смогу? Что, если я подведу вас?

— Тогда мы подведём тебя, — сказала она, и в голосе её была тёплая, чуть хриповатая усталость. — И вместе мы найдём способ.

Она положила руку на его плечо, и тепло её ладони проникло сквозь ткань рубашки, согревая ту пустоту, которая жила внутри него.

— Я не знаю, что будет завтра, — сказал он. — Но я знаю, что мы будем вместе. И это всё, что имеет значение.

София улыбнулась — не широко, а так, как улыбаются матери, когда видят, что их дети взрослеют.

— Иди спать, — сказала она. — Завтра будет долгий день.

Он кивнул, встал и пошёл к лестнице. На ступеньке он остановился и посмотрел на неё.

— Мама?

— М?

— Спасибо, что ты здесь.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было всё — тепло, боль, надежда.

— Я всегда здесь, сынок, — сказала она. — Всегда.

Артур поднялся в свою комнату. За окном всё ещё падал снег — медленно, тяжело, как будто время замерло. Он сел на кровать, и пружины скрипнули под его весом. В руке он всё ещё сжимал карту Марты Брукс.

«Мы найдём их всех, — подумал он. — Мы найдём каждого Пожирателя. И мы остановим их».

Он не знал, сколько это займёт времени. Не знал, сколько из них выживет. Но знал одно: они не остановятся, пока мир не станет безопасным.

И пока есть дом, есть и надежда.

ГЛАВА 6.

7 января 1989 года. Брукфилд. Особняк «Генезис». 6 часов утра.

За окном было темно. Не серо, не сине — именно темно, той густой январской тьмой, которая не пропускает даже звёзд. Снег перестал падать, но ветер ещё гулял по саду, срывая с ветвей последние комья, и они падали на землю с глухим, почти неслышным стуком.

Артур стоял у окна в своей комнате и смотрел на сад, где снег лежал ровным, нетронутым слоем. Через час они уезжали. Он не знал, вернутся ли, но знал, что другого выбора нет.

Рюкзак был собран ещё с вечера. Он проверил его трижды: сменная одежда, блокнот, карта, письмо отца, старая фотография семьи Кроули, которую он так и не выбросил. И красная нитка на запястье — теперь она была тоньше, почти невесомой, но всё ещё была с ним.

Он сжал её в пальцах, чувствуя, как она нагревается от его кожи. За три года он привык к этому теплу — оно стало частью его, как дыхание, как сердцебиение.

— Ты готов? — раздался голос за спиной.

Он обернулся. В дверях стояла Лиза. Она была в той же одежде, что и вчера, — старые джинсы, тёплый свитер, который был ей велик, и поверх — куртка, которую она взяла у Софии. На её лице не было страха. Только та особая сосредоточенность, которая появлялась у неё перед тем, как она собиралась сделать что-то важное.

— Почти, — сказал он. — Ты как?

— Готова. — Она сжала левую руку в кулак, и в воздухе вокруг её пальцев вспыхнула голубая искра — слабая, но живая. — Я всё ещё не привыкла. Но это работает.

— Это больше чем работает, Лиз. Ты создаёшь защиту из ничего.

— Из воли, — поправила она. — Из желания защитить.

Она подошла к окну, встала рядом. На стекле замерзал иней, и она провела по нему пальцем, оставляя прозрачную полосу.

— Я боюсь, — сказала она тихо, почти шёпотом.

— Чего?

— Что мы не справимся. Что нас слишком мало. Что мама...

Она не договорила. Артур чувствовал, как слова застревают в её горле, как они тяжелеют и не хотят выходить.

— Мама будет с нами, — сказал он. — Она сказала, что не останется здесь одна.

— Она не должна ехать. Это слишком опасно.

— Она знает. И всё равно едет.

Лиза посмотрела на него. В её глазах мелькнуло что-то — не вопрос, не сомнение, а понимание.

— Ты тоже боишься?

— Да, — честно ответил он. — Но если мы не поедem, никто не поедет.

Внизу уже была суета. София ходила по кухне, проверяя, всё ли взяли: термос с чаем, бутерброды, запасные одеяла, аптечку. Её движения были привычными, почти машинальными, но Артур заметил, как она то и дело останавливается, прижимая ладонь к груди — туда, где, наверное, билось сердце.

— Мам, — сказал он, входя на кухню. — Ты не обязана ехать.

Она повернулась к нему. В её глазах была та же тёплая усталость, что и всегда, но в этот раз в ней было что-то ещё — решимость.

— Обязана, — сказала она. — Мои дети едут на войну. Я не могу остаться здесь и ждать.

— Это опасно.

— Я знаю. — Она подошла к нему, взяла за руки, и её пальцы были тёплыми и сухими. — Но я уже потеряла твоего отца. Я не потеряю вас. Если я могу быть рядом — я буду рядом.

Артур хотел возразить, но передумал. Он обнял её, и от неё пахло мукой и ванилью — тем самым запахом, который он знал с детства.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда вместе.

— Вместе, — повторила она.

Фургон был загружен к семи утра. Рюкзаки лежали в багажнике, между ними — ящик с продуктами, который София собрала ещё вчера. На заднем сиденье сидели Дженни и Эмма, Эмма смотрела в окно, сжимая в руке старый жетон, который когда-то принадлежал Лиаму. Она не говорила о нём, но никогда не расставалась с этой вещью — металл был потёрт от её пальцев, на нём почти стёрлась гравировка, но он всё ещё был с ней.

Макс устроился на откидном сиденье, у двери, и его поза была напряжённой — он то и дело поглядывал в окно, проверяя, не следят ли за ними. Рядом с ним лежал нож — тот самый, с чёрной рукояткой, который он когда-то отдал Джеку, а потом вернул.

Джек сидел в самом конце, на сложенном спальнике, и смотрел на свои руки. Они больше не дрожали — но он всё ещё привыкал к тому, что они принадлежат ему, а не тому, кто жил внутри.

Саша села за руль. Артур хотел спорить, но она посмотрела на него, и он понял: она знает дорогу лучше. Она знает маршруты, знает, как заметить слежку, как уйти от погони. Он сел на пассажирское сиденье.

София села сзади, между Лизой и Дженни. Она держала на коленях корзинку с бутербродами, и от неё пахло домом — тем самым, который они покидали, и который они обещали себе вернуть.

— Все? — спросила Саша, зажигая двигатель.

— Все, — ответил Артур.

Фургон тронулся, и особняк «Генезис» остался позади. Артур смотрел в зеркало заднего вида, пока дом не исчез за поворотом, скрывшись в серой утренней дымке. Он не знал, вернутся ли они. Но знал, что у них нет выбора.

Дорога была пустой. Снег лежал по обочинам, и фургон оставлял за собой две тёмные колеи, которые тут же заносило ветром. За окнами тянулись поля, покрытые белым одеялом, и редкие фермы, из труб которых шёл дым, смешиваясь с серым небом.

— Первая остановка — Чикаго, — сказала Саша, не оборачиваясь. — Клэр ждёт нас. Она нашла ещё несколько охотников.

— Сколько? — спросил Макс.

— Троих. Двое из них уже сталкивались с Пожирателями. Один — просто парень, который нашёл билет и начал искать.

— Трое — это мало, — сказал Макс.

— Трое — это больше, чем было, — ответила Саша.

Артур смотрел в окно, и мысли его были далеко. Он думал об отце, о его письме, о карте, которую они нашли. О том, что всё это связано — Марта Брукс, Архитектор, Спящий. Все нити вели к одному.

— Мы найдём их, — сказал он, не оборачиваясь. — Всех.

— Всех? — переспросила Эмма, и в её голосе впервые за день мелькнула тень прежней насмешки. — Ты знаешь, сколько их?

— Нет, — честно признался он. — Но мы попробуем.

Через три часа они остановились у старой заправки. Колонки не работали, и запах бензина смешивался с запахом снега и сырости. Рядом стоял маленький киоск, в котором не было ни души — только пыльные банки с газировкой и шоколад, который никто не покупал.

— Привал, — сказала Саша, выключая двигатель.

Они вышли из фургона. Артур вдохнул холодный воздух, и он обжёг лёгкие, но это было хорошо — это напоминало, что он жив. Лиза отошла в сторону, подошла к дереву, которое росло у дороги, и провела по его коре пальцами. На её пальцах осталась синяя искра, и она смотрела на неё, как на что-то новое, чего раньше не видела.

— Что это? — спросил Макс, подходя к ней.

— Не знаю. — Она сжала пальцы в кулак, и искра погасла. — Может, защита. Может, просто... энергия.

— Ты контролируешь это?

— Пытаюсь. — Она посмотрела на него. — Но иногда она появляется сама. Когда я волнуюсь.

— Ты волнуешься?

— Всегда.

Он хотел сказать что-то ещё, но передумал. Просто кивнул и отошёл, оставив её наедине с деревом.

В Чикаго они въехали к вечеру. Город встречал их огнями — неоновыми вывесками, редкими фарами машин, которые проезжали по мокрому асфальту. Небо было серым, но небо-скрёбы уходили в него, как иглы, пронзающие облака.

Клэр ждала их у старого отеля на южной стороне. Она изменилась за три года — стала старше, жёстче, но в её глазах всё ещё горел тот же огонь, что и в день их первой встречи.

— Вы приехали, — сказала она, и голос её был ровным, но в нём слышалась усталость.

— Мы обещали, — сказал Артур, выходя из фургона.

Она провела их в отель — маленький, тёмный, с обшарпанными стенами и запахом старого дерева. Внутри их ждали трое. Двое — мужчина и женщина лет двадцати, с усталыми лицами и красными нитками на запястьях. Третий — парень лет семнадцати, с бледным лицом и дрожащими руками, в которых он сжимал старый цирковой билет с цифрой 7.

— Это они, — сказала Клэр. — Они хотят помочь.

Артур посмотрел на них. В их глазах он видел то же, что и в своих собственных — страх, смешанный с решимостью.

— Добро пожаловать в Сеть, — сказал он.

Они сидели в маленькой комнате, и запах старого ковра смешивался с запахом чая, который заварил София. Она разливала его по кружкам, и пар поднимался к потолку, смешиваясь с дыханием людей, которые собрались здесь, чтобы бороться с тем, что не должно существовать.

— Рассказывай, — сказал Артур, глядя на мужчину, который сидел напротив.

Он называл себя Том. Два года назад его сестра пропала в этом городе — просто исчезла, оставив после себя только старый билет. Он искал её и нашёл других — таких же, как он, кто тоже потерял кого-то.

— Мы знаем, что это не просто Пожиратели, — сказал он. — Это они, но они собираются. Раньше каждый был сам по себе, бродил по своему городу. А теперь они организуются.

— Кто организует? — спросил Артур.

— Не знаю. Но мы видели их. В подземельях, в старых туннелях под городом. Они собираются вместе и ждут.

— Чего ждут? — спросил Макс.

— Приказа, — сказала женщина, которую звали Рейчел. — Они ждут, когда кто-то скажет им, что пора.

Артур посмотрел на карту, которая лежала на столе. Точки, которые он добавил, светились в тусклом свете лампы.

— Тогда мы должны опередить их, — сказал он. — Мы найдём, кто даёт приказы. И мы остановим его.

Ночью, когда все разошлись по комнатам, Артур остался один в холле отеля. Он смотрел на огни Чикаго, которые мерцали в окне, и думал о том, что будет завтра.

— Ты не спишь? — раздался голос за спиной.

Он обернулся. В дверях стояла София, закутанная в шаль, которую она взяла с собой из дома.

— Не могу, — признался он.

Она подошла, села рядом на продавленный диван, и от неё пахло домом.

— Ты думаешь о нём? — спросила она. — Об отце?

— Да, — сказал он. — И о том, что он оставил.

— Он оставил тебе не только письмо, — сказала она. — Он оставил тебе силу. Веру в то, что ты можешь это сделать.

Артур посмотрел на неё. В её глазах была та же усталость, что и у всех, но в ней было что-то ещё — надежда.

— Я не хочу тебя терять, — сказал он.

— Не потеряешь, — сказала она. — Я всегда буду с тобой.

Она обняла его, и он чувствовал её тепло, как в детстве, когда он боялся темноты и она сидела у его кровати, пока он не засыпал.

— Спасибо, — прошептал он.

— Не за что, — ответила она.

Они сидели так, пока огни Чикаго не начали гаснуть один за другим, и новый день не начал приближаться.

ГЛАВА 7.

8 января 1989 года. Чикаго — Детройт. 7 часов утра.

Фургон выехал из Чикаго, когда небо только начинало сереть. Город остался позади — небоскрёбы, неон, запах реки — и дорога снова потянулась через заснеженные поля, где редкие фермы стояли как часовые, охраняющие пустоту. Снег больше не падал, но ветер срывал его с земли, и он кружился над асфальтом, как мелкий песок.

В салоне было тихо. София задремала на заднем сиденье, укрывшись пледом, и её дыхание было ровным. Артур сидел на переднем сиденье, сжимая в руке старый компас — тот самый, который нашёл в коробке отца, — и смотрел, как стрелка дрожит, указывая на северо-восток.

Саша вела машину уверенно, без лишних движений, и её лицо было сосредоточенным. Она почти не спала прошлой ночью — Артур слышал, как она ходила по коридору отеля, проверяла замки, стояла у окна. Старые привычки, от которых трудно избавиться.

— Сколько ещё? — спросил Макс с заднего сиденья. Он не спал, сжимая в руке нож, и его пальцы машинально гладили рукоять.

— Часа три, — ответила Саша. — Если не застрянем.

— Детройт, — сказала Лиза, и в голосе её появилась та особая интонация, которая появлялась, когда она думала о чём-то важном. — Там Маркус. Он писал, что нашёл ещё несколько человек. Что они уже начали охоту.

— Начали, — повторил Макс. — Без нас.

— Он не ждал, — сказал Артур. — Он делал то, что должен был.

— Как и мы, — сказала Эмма. Она сидела у окна, и её голос был ровным, но в нём слышалась та же сталь, что и всегда. — Мы не можем быть везде сразу.

— Но мы можем быть там, где нужны, — сказал Артур. — Поэтому мы едем.

Детройт встретил их серостью. Город казался мёртвым — не в том смысле, в котором мёртвыми были поля за окном, а в том, что он когда-то был живым, а теперь замер, как будто время остановилось. Заброшенные заводы тянулись вдоль дороги, их окна были выбиты, и ветер гулял по пустым цехам, разнося запах ржавчины и машинного масла. На стенах были граффити — свежие, яркие, они кричали о том, что город ещё дышит, но дышит тяжело, с надрывом.

Фургон остановился у старого кафе, которое работало, несмотря на всё. Неоновая вывеска мигала, и половина букв не горела, но за мутными стёклами виднелись силуэты людей, которые пили кофе и курили, глядя в одну точку.

Маркус ждал их у входа. Он стоял, прислонившись плечом к стене, и в его руке была сигарета, которую он сжимал так, будто она могла упасть. За три года он изменился — стал шире в плечах, жестче, и в его глазах появилась та же усталость, что была у всех них. Но когда он увидел их, в его глазах мелькнуло что-то — не надежда, нет. Что-то другое. Узнавание.

— Вы приехали, — сказал он, и голос его был хриплым, как у человека, который много говорит и мало спит.

— Мы обещали, — сказал Артур, вылезая из фургона.

Он пожал руку Маркусу — крепко, по-мужски, — и почувствовал, как ладонь того дрожит.

— Ты в порядке? — спросил Артур.

— Нет, — честно ответил Маркус. — Но я живу.

Он провёл их в кафе. Внутри было тепло, но воздух стоял густой, как кисель, и пахло пережаренным маслом и кофе. За столиком в углу сидели трое — парень и две девушки, лет по двадцать, с бледными лицами и красными нитками на запястьях. Они смотрели на входящих с настороженностью, но без враждебности.

— Это мои, — сказал Маркус, кивая на них. — Они тоже ищут.

— Ищут что? — спросил Макс, садясь за стол.

— Пожирателей, — сказал один из парней, и голос его был глухим. — Они здесь. Не так, как раньше — не прячутся. Они выходят на улицы.

— Когда? — спросил Артур.

— По ночам. И не только. — Девушка с короткой стрижкой, которую звали Элли, переглянулась с остальными. — Вчера они напали на склад. Четверо погибли. Мы не успели.

— Четверо? — переспросила Лиза, и её голос дрогнул.

— Они не просто нападают, — сказал Маркус. — Они организуются. Раньше каждый был сам по себе. А теперь они собираются вместе.

— Кто-то ведёт их? — спросил Артур.

— Мы думаем, да. Но мы не знаем, кто. Мы только чувствуем, что они стали сильнее.

Артур посмотрел на карту, которую разложил на столе. Детройт был отмечен красной точкой — той самой, которую они нашли в дневнике Марты. Но теперь вокруг неё появились новые точки — меньшие, серые, которые он не наносил сам.

— Что это? — спросил он, указывая на них.

— Места, где они были, — сказал Маркус. — Где они нападали. Где мы находили следы.

— Их много, — сказал Макс.

— Их слишком много, — поправила Элли. — Мы не можем быть везде.

— Тогда мы поможем, — сказал Артур. — Мы не можем быть везде, но мы можем быть там, где нужны.

Он обвёл взглядом стол — Маркуса, Элли, остальных, своих друзей. В их глазах он видел то же, что и в своих собственных — усталость, смешанную с решимостью.

— Мы начнём сегодня, — сказал он. — Прямо сейчас.

Они вышли из кафе, когда солнце уже начало клониться к закату. Небо было серым, и ветер срывал с земли снег, кружа его в воздухе. Артур смотрел на пустые улицы, на заброшенные здания, на граффити на стенах, и чувствовал, как внутри него растёт холодная, тяжёлая решимость.

— Куда сначала? — спросил Макс.

— На склад, — сказал Маркус. — Где были вчера. Мы не успели проверить всё.

Они сели в два фургона — Маркус и его команда в один, Артур и остальные — в свой. Дорога была длинной, и за окнами мелькали пустые здания, ржавые краны и чёрные трубы, которые уходили в небо, как пальцы мертвецов.

Склад стоял на окраине, у самого завода. Огромное здание из красного кирпича, с выбитыми окнами и ржавой крышей. Внутри было темно, и пахло сыростью, гарью и ещё чем-то — тем самым сладковатым запахом, который они помнили с самого начала.

— Они были здесь, — сказала Лиза, и голос её был тихим.

— Мы знаем, — сказал Маркус. — Мы нашли их следы. Кровь. И ещё кое-что.

Он показал на стену. Там, на кирпичках, был нарисован символ — тот же, что и на кольце Дженни, тот же, что на карте Марты. Переплетённые линии, которые складывались в букву «Б».

— Что это значит? — спросил Макс.

— Это знак Бруксов, — сказала Дженни, и голос её дрогнул. — Или того, кто хочет, чтобы мы подумали, что это они.

— Кто? — спросил Артур.

— Архитектор, — сказала она. — Он хочет, чтобы мы знали, что он здесь.

Они прошли вглубь склада. В центре стояли ящики, разбитые, с высыпавшимся содержимым. На полу — тёмные пятна, которые не были водой. И в углу — тело. Оно было старым, высохшим, но не разложившимся. На нём была одежда, которая могла принадлежать кому угодно, но лицо было стёрто — как у тех, кого забирает Спящий.

— Мы нашли его вчера, — сказал Маркус. — Он был здесь, когда мы пришли.

— Он не Пожиратель, — сказала Лиза, подходя ближе. — Он человек. Был человеком.

— Что с ним сделали? — спросил Макс.

— Его использовали, — сказал Артур, и голос его был ровным, но в нём слышалась та же холодная сталь, что и у Лизы. — Как инструмент.

Он посмотрел на лицо, которое было стёрто, и внутри него что-то оборвалось. Он вспомнил отца. Вспомнил, как тот стоял в дверях их дома и улыбался, и как его лицо исчезло, стёртое временем и монстрами.

— Мы найдём его, — сказал он, не оборачиваясь. — Мы найдём Архитектора. И мы остановим его.

Они вышли из склада, когда уже стемнело. На улице зажглись фонари — редкие, жёлтые, они разгоняли тьму, но не до конца. Снег снова начал падать, и Артур смотрел, как он кружится в свете фонарей, и думал о том, что будет завтра.

— Ты как? — спросила Лиза, подходя к нему.

— Нормально, — сказал он. — Просто устал.

— Мы все устали, — сказала она. — Но мы не остановимся.

— Знаю.

Она взяла его за руку — левую, ту, что держала силу, — и он почувствовал, как от её пальцев исходит тепло. Не то, что было от нити, а другое — живое.

— Мы справимся, — сказала она. — Как всегда.

— Как всегда, — повторил он.

Они стояли так, глядя на снег, и впервые за день он почувствовал, что они не одни. Что у них есть Сеть. Что они не просто выживают — они живут.

— Пошли, — сказал он. — Завтра будет новый день.

— Новый день, — повторила она, и в голосе её была та же тихая уверенность, что и у него.

Они сели в фургон и поехали в ночь, оставляя за собой пустой склад, стёртое лицо и символ, который ждал их в будущем.

ГЛАВА 8.

9 января 1989 года. Сиэтл. Окраина города. 4 часа дня.

Самолёт приземлился в Сиэтле в час дня, но город встретил их не дождём, как ожидалось, а низким, плотным туманом, который стелился по земле, окутывая дома, деревья и фонарные столбы, превращая привычные очертания в размытые серые пятна. Влажность была такой, что одежда липла к коже, а каждый вдох оставлял во рту привкус металла и сырости.

Они взяли напрокат старый «шевроле» — единственный, который был на стоянке у аэропорта, — и поехали на юг, туда, где заканчиваются кварталы и начинается лес. Диана ждала их на заправке у старого шоссе, и когда они подъехали, она стояла у колонки, сжимая в руках чашку с остывшим кофе, и её лицо было бледным, как у человека, который давно не спит.

Артур вышел из машины первым. Туман осел на его куртке мелкими каплями, и он стряхнул их, подходя к женщине.

— Диана?

Она подняла голову. Глаза у неё были красными, но сухими — слёзы кончились, осталась только пустота.

— Вы приехали, — сказала она, и голос её был ровным, но в нём слышалась та самая надломленность, которую Артур узнавал по себе. — Я думала, вы не приедете.

— Мы обещали, — сказал он. — Рассказывайте.

Она кивнула, сделала глоток кофе — он, наверное, уже был холодным, но она не заметила, — и начала говорить.

Её дочь звали Элли. Ей было шестнадцать. Она пропала четыре недели назад, в канун Рождества. Ушла в лес, который тянется вдоль озера Вашингтон, и не вернулась. Диана искала её сама, обошла все тропы, все заброшенные хижины, но нашла только её куртку — на ветке старого кедра, на высоте человеческого роста. И рядом с ней — следы. Не человеческие. Тяжёлые, глубокие, как будто кто-то волок что-то тяжёлое по земле.

— Я знала, что это не просто так, — сказала Диана. — Я читала о вас. О том, что вы делаете. Я написала Клэр, и она сказала, что вы можете помочь.

— Мы поможем, — сказала Лиза, выходя из машины. Она подошла ближе, и Диана посмотрела на неё с тем же выражением, с которым смотрели все, кто впервые видел Лизу после того, как она научилась использовать свою силу: смесь страха и надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.